Текст · 11 апреля 2022, 15:57
Дмитрий Швец,

Покидая Мариуполь. Как выбираются из разрушенного города, ставшего самым страшным свидетельством войны в Украине

Все полтора месяца боев за Мариуполь эвакуация мирных жителей оставалась одним из самых сложных вопросов для украинских властей. Российские войска постепенно брали под свой контроль все новые районы города, осложняя выезд мариупольцев в другие регионы Украины — часть из них была вынуждена уехать в Россию или на подконтрольные ей территории, где многих, особенно мужчин, тщательно допрашивают, изучая татуировки и телефоны. «Медиазона» поговорила с теми, кому все-таки удалось выехать из города — в Россию, Украину или другие страны — и попыталась описать, как они покидали Мариуполь, где, по словам мэра города, до сих пор остаются около 100 тысяч жителей.

Когда в Бучу, где после отхода российских военных обнаружили сотни трупов мирных жителей, приехал президент Украины Владимир Зеленский, кто-то из журналистов спросил его: что будет с Мариуполем?

«Непросто там. Думаю, что ближайшие дни, а может быть, ближайшие часы у нас появится ответ на ваш очень сложный вопрос. Зависит все, вы знаете, к сожалению, от кого», — ответил президент.

Сегодня, на 47-й день войны, он снова упомянул этот город: «Худшая ситуация в Мариуполе…

Мариуполь разрушен. Там десятки тысяч погибших. Но даже несмотря на это россияне не останавливают наступательную операцию. Они хотят сделать так, чтобы Мариуполь был показательно уничтоженным городом».

С этой оценкой по сути соглашаются и российские пропагандисты: например, корреспондент ВГТРК Александр Сладков, показывая разрушенный город, добавляет: «Пусть смотрят в Киеве и Львове, Черкассах и Полтаве, Тернополе и Черновцах, — если город не сдается, его уничтожают».

Весь город. «Дети гуляют, готовят суп на костре, а рядом на парковке лежит труп»

За полтора месяца войны Мариуполь стал одним главных символов российского вторжения — там не осталось целых зданий, а погибших жителей хоронили прямо во дворах, если вообще хоронили. Весь мир облетели жуткие кадры, снятые после обстрела роддома и попадания бомбы в здание драмтеатра, где прятались семьи с детьми.

Город в 60 км от границы с Россией,
часть Донецкой области, на которую претендует самопровозглашенная ДНР, был окружен в первые дни нападения на Украину. В блокированном городе пропали электричество и водоснабжение, дома перестали топить, жители прятались по подвалам от непрекращающихся обстрелов и готовили на кострах.

«Люди стали костры палить просто во дворах. Гуляют дети, прилетает из минометов, горят машины, люди не успевают в укрытие. Стали люди погибать от ранений. Пожилые люди [погибали], потому что негде взять медикаменты. Люди с сахарным диабетом, повышенным давлением просто стали умирать, и хоронить их было негде. Их просто заворачивали в простыню и выносили [на улицу]. Дети [гуляют], вот готовят суп на костре, а рядом на парковке лежит труп, завернутый в простыню. Я вам передать просто не могу вот эти все ощущения», — рассказывала «Медиазоне» психолог Анна Ракитянская.

«Дети гуляют, вот готовят суп на костре, а на парковке лежит труп, завернутый в простыню»-

. Рассказ мариупольчанки о блокаде города и рискованной эвакуации

До войны в Мариуполе жили около 450 тысяч человек. На фоне катастрофической ситуации в городе Россия и Украина еще в начале марта начали попытки

договориться о «зеленых коридорах» для эвакуации мирных жителей, но начать ее все не получалось — стороны обвиняли друг друга в нарушении договоренностей. Мэр Мариуполя Вадим Бойченко говорит, что в городе до сих пор остаются около 100 тысяч человек.

Мариупольцы уезжали из осажденного города не только в другие регионы Украины, некоторые оказались в России или на подконтрольных ей территориях — в самопровозглашенных ДНР и ЛНР.

Выбора у людей, как правило, не было: Мариуполь разделен на две части рекой Кальмиус, перебираться из одной в другую по мосту под обстрелами — смертельно опасно. Даже чтобы добраться до моста на правый берег, необходимо преодолеть трехкилометровую дорогу вдоль огороженной забором территории завода «Азовсталь», на которой нет практически никаких укрытий.

Бывший житель[1] Мариуполя, чья мать в начале войны еще была в городе, рассказывает, что ей удалось перебраться на правый берег с левого и выехать в Украину.

«Их шло пять человек, среди них была среднего возраста женщина с тростью, она отставала от остальных, — вспоминает мужчина. — Периодически они где-то прятались, чтобы ее подождать.В очередной раз, когда они остановились, снаряд упал где-то впереди. [Мать] сказала, если б мы не остановились ее подождать — нас бы уже не было».

Есть другой обходной маршрут, более северный и длинный, но этот путь, как объяснили «Медиазоне» несколько покинувших Мариуполь, тоже был очень рискованным из-за частых обстрелов.

По свидетельствам занимающихся эвакуацией в Украину волонтеров и тех, кто выбрался на подконтрольные России территории, после окружения города в первые дни войны ситуация была такой, что из Левобережного района на востоке Мариуполя можно было выехать только на российские территории.

Со временем под контроль российских военных стали переходить и районы в западной части. Так, одна из жительниц города сказала «Медиазоне», что стала свидетельницей уличных боев на западном берегу Кальмиуса уже в середине марта.

Согласно отчету американского института *Study of War*, скрупулезно отслеживающего диспозиции войск в украинской войне, к вечеру 10 апреля российские военные разделили Мариуполь на две части по линии от центра до побережья. Украинские военные оказались изолированы в двух районах: на территории завода «Азовсталь» и в порту. Остальной город уже под контролем российских сил.

Эвакуация жителей Мариуполя из Левобережного района, 10 апреля 2022 года. Фото: Сергей Бобылев / ТАСС

Восток. Наталья и Светлана. «Побежали мы, там стреляли, под ноги попадали пули»

«Это была принудительная эвакуация, никто из нас не хотел выезжать из Украины. Если бы у нас был выбор — мы бы остались или выехали в сторону Украины. Некоторые говорили, что хотят остаться, но они приказным тоном говорили, что это невозможно», — рассказывала изданию «Грати» Наталья Яворская[2], жившая в одном из поселков на окраине Мариуполя.

Она вспоминала, что к 15 марта российские войска заняли большую часть поселка, мирные жители в то время находились в убежищах. Российские военные «в приказном тоне» сообщили жителям о необходимости эвакуироваться.

В разговоре с «Медиазоной» девушка уточнила, что случаев физического насилия для принуждения к эвакуации она не видела, но люди были запуганы: например, она видела, как военные надели местному жителю на голову пакет и пообещали пристрелить, если он пошевелится — так он простоял полчаса, пока солдаты проверяли его телефон. Телефон, говорит Яворская, мужчине вернули только после того, как он принес на проверку паспорта всех членов своей семьи.

«Нас никто не бил, никуда не заталкивал, но мы чувствовали, что у нас нет выбора: от нас требовали покинуть убежище. Была возможность сбежать, но мне было некуда», — вспоминает она. В итоге ее и других жителей поселка вывезли в российский Таганрог.

«Медиазона» связалась с еще несколькими мариупольцами, выехавшими на восток. Никто из них не стал говорить, что был именно похищен — людям просто нужно было как-то выбраться из-под обстрелов, а единственной возможностью в их случае была эвакуация в Россию.

«24 февраля я вышла на смену, объявили что война, — вспоминает Светлана[3], медик, она жила на восточной окраине города. — Мы по-максимуму распускали больных, готовили подвалы».

В первые дни они с супругом — брак заключили за два дня до вторжения — обсуждали выезд в Запорожье, но муж отказался: не верил, что все будет настолько серьезно. Когда в Мариуполе упала первая бомба, супруги переехали на Азовстальскую улицу — это чуть западнее, но все еще в Левобережном районе города. «Не могу сказать, что мне было спокойнее, может, чуть-чуть», — признается Светлана. В те дни появилась новая рутина: «авианалет — в подвал».

К началу марта супруги решили переселиться в центр, хотя и понимали: если россияне пойдут на окруженный город с Запада, там будет такая же ситуация. Муж периодически ездил на левый берег к матери, 15 марта он уехал и не вернулся, что с ним — Светлана до сих пор не знает.

На следующий день она услышала разговоры про организованные эвакуационные колонны, но сама их не застала, поэтому осталась в Мариуполе: ежедневные обстрелы, ночевки в подвале сначала одного дома, после его разрушения — другого. Электричества, воды и газа давно не было.

Сильные уличные бои в ее районе начались 20 марта: «Прибежали наши ребята, говорят, начали бить по нашему дому. Стоит танк и бьет. Я побежала из подвала к себе на этаж за вещами. А там у одной рука обожженная: "помоги, помоги". Выше третьего этажа не добежишь, дышать нечем. Вернулась в подвал, тоже дышать нечем, и мы разбежались».

Светлана и несколько человек побежали в подвал соседнего дома на проспекте Металлургов. Проведя там несколько ночей, стали обсуждать планы, и появилась идея идти в дом, уже находившийся под контролем российских войск. Когда начался очередной обстрел, Светлана решилась ринуться в ту сторону — были ключи от квартиры отца в районе, уже подконтрольном России.

«Были рюкзак и одеяла, я их на голову — хотелось верить, что если пуля, то остановит, — вспоминает она. — Нас как предупреждали: никаких повязок, не бежать — ну мы быстрым шагом, чтоб не было видно,

что мы не дезертиры. Через эти все битые улицы, разгромленные дома, через эту "Клеопатру"[4] — мы туда воду ходили набирать, чтобы туалет смывать, там ночной клуб и бассейн, кошка дохлая плавала. Добежали до кафе "Испанский двор", все разбитое, провода валяются, за угол дома зашли, а там ДНР — ну они нам машут, бегом, бегом. Я скажу честно, нам уже все равно, кто будет, лишь бы мир. Нам и в Украине было хорошо, мы согласны были на любой мир, только не на войну. Ну что, побежали мы, там стреляли еще, под ноги попадали пули, а потом чем глубже, тем поспокойней. Там дээнэровцы сказали, что на станции переливания крови дают паек и эвакуация».

Переночевав в подвале отцовского дома, Светлана записалась на эвакуацию и предупредила соседей: она будет каждый раз пытаться эвакуироваться, если не вернется, значит — уехала. По пути в Володарское, поселок к северо-западу от Мариуполя, автобус остановился: мужчин вывели на проверку, там же стояла съемочная группа «Первого канала».

В Володарском беженцев заселили в школу, Светлана подумывала отправиться в точно так же занятый россиянами Бердянск, «поближе к дому, я же мужа там оставила, ну как оставила — я не знаю, что с ним». В Володарске ей удалось найти приют в семье, где ее обогрели и накормили, нашлись знакомые из Мариуполя — рассказали, у кого кто погиб. В итоге записалась на отправку в Ростов-на-Дону.

По пути, в Таганроге, вспоминает она, была очередная проверка, в основном опять проверяли мужчин, некоторых девушек, но не Светлану. Здесь она спросила, может ли она отправиться к матери на Урал

за свой счет — гривны удалось поменять на рубли по курсу 1:1[5], и в конечном счете добралась до матери.

Теперь будет определяться, что делать дальше.

Беженцы из Мариуполя в пункте временного размещения в спортивной школе в Таганроге, 21 марта 2022 года. Фото: Василий Дерюгин / Коммерсант

Запад. Анна и Алена. «На водителей-волонтеров наставляют оружие, их забирают в подвалы»

Эвакуацией из западной части Мариуполя в Украину занимаются несколько волонтерских организаций, одну из них координирует Денис Минин. Он говорит, что процесс можно выстроить «двумя способами, которые были выработаны исключительно практическими методами, жизнями и судьбами».

Первый способ: обеспеченный волонтерами автобус едет в Мариуполь с водителем-добровольцем или человеком, который хочет забрать своих близких, а заодно и тех, кому повезет оказаться где-то рядом. Второй способ — организация колонн из добровольцев, которые предоставляют свои данные Запорожской военной администрации, чтобы «люди оставляли свои данные, их можно было проверить, чтоб туда не ехали те, кому не стоит туда ехать».

Минин рассказывает, что некоторые волонтеры тщательно планируют рейсы, намереваясь посетить

по пять адресов и собирая множество заявок на эвакуацию от родных и близких людей, которые все еще находятся в Мариуполе. Такой подход он резко критикует: по его мнению, это «аферисты и люди, которые дарят надежду, которую лучше не дарить».

«Объясню почему: представляем, отправляем машину, в машине 15 мест. Даем водителю 5 адресов. В лучшем случае водитель доехал до самого Мариуполя, там на пути могут быть танковые бои, может просто застрелить человек с автоматом, тебя могут отвезти на допрос, как моих водителей водили в какую-то девятиэтажку, в квартиру, которую взломали, два часа тебя расспрашивать и смотреть твои телефоны и все остальное, — рассказывает он о своем опыте. — Водитель в лучшем случае доехал до одного адреса, может быть — до второго. Людей там может не быть, дома повзрывались, люди уходят по другим подвалам. Кто где, кого-то хоронят по дворам, что водитель делает? Он должен ехать на третий, четвертый, пятый адрес уже с людьми, чтобы его убило и разбило на части, как вы думаете, это рационально?». Поэтому, повторяет Минин, нужно брать не больше двух адресов и по дороге забирать всех, кого можно.

Чтобы попасть в Мариуполь, водители должны проехать через блокпосты самопровозглашенной ДНР. «Там действует право XIX века: у кого оружие, тот и прав. Захочет пропустить — пропустит, не захочет — не пропустит, захочет — ударит, не захочется бить — не ударит». По разговорам с водителями у него сложилось впечатление, что бойцы ДНР не верят, будто бы украинские волонтеры хотят бесплатно эвакуировать людей в безопасное место.

«Они не представляют себе понятия о волонтерах, для него человек, который приехал, он приехал зарабатывать деньги, и поэтому отношение только ухудшается. они считают, если человек приезжает на микроавтобусе, он соберет со всех по 2 тысячи долларов — такие случаи тоже есть — но они считают, что это коммерсанты», — добавляет координатор.

Эвакуацией занимается и организация «Братское сердце», созданная Александром Кривошапко. Поначалу, вспоминает он, информацию о происходящем в городе еще можно было получить от местных жителей: «Нам удавалось находить связь с десятками людей в городе, у которых была возможность подзарядиться от аккумулятора и где-то поймать связь, получали от них информацию, которой делились и с государственными органами и с ВСУ — соответственно, помогали и тем и тем».

По его словам, в первые дни войны добровольцы «смиренно ждали», когда официальные власти договорятся и дадут «зеленый коридор», но примерно 15-16 марта увидели, что обычные мариупольцы на своих машинах стали просто возвращаться в город и вывозить тех, кто остался — так же решили поступать и волонтеры.

«15 марта, перед тем, как мы выехали, начался сильный обстрел, — вспоминала в разговоре с "Медиазоной" психолог Анна Ракитянская. — Мы с ребенком были в коридоре [своей квартиры], начали лететь стекла. Эти стекла и рамы летели через всю квартиру на другую сторону, это гильотина была. Дочка так плакала и кричала, что я никогда не забуду это. За что? Там обстреливали уже жилые кварталы,

это было издевательство просто. Мы на следующий день собрались и решили без любого гуманитарного коридора ехать самостоятельно».

По ее словам, блокпосты на выезде из города были все заминированы: «Ты едешь, читаешь "Отче наш" и понимаешь, что одно неровное движение — и ты просто взлетишь. Это было ужасно. Мы выехали, забрали родителей. Люди шли пешком просто по трассе, потому что у них нет машин или они сгорели. Подбирали люди людей. Они просто шли пешком, потому что [оставаться в городе] очень страшно. Я вам просто передать не могу, что мы там видели. Трупы лежат, и их уже просто растаскивают собаки».

Так же, в колонне жителей Мариуполя, город покинула Алена Загреба, которая вела блокадный видеодневник: «16 числа утром во дворе началось движение какое-то, машины все выезжали с листочками "Дети", белыми тканями, ну мы думали — выезжать или не выезжать. Ну мой кот, он перед этим на мне очень сильно лежал, мурчал, хотя он так никогда не делал, и мы поняли, что надо попробовать выехать. И выехали, за девять часов доехали до Днепра».

Представители самопровозглашенной ДНР утверждали, что выезжать мариупольцам в другие регионы Украины мешали бойцы полка «Азов». Одна из марупольчанок сказала «Медиазоне», что не могла уехать на запад до тех пор, пока не был разбит блокпост полка «Азов». Другая жительница Мариуполя 16 марта рассказывала «Настоящему времени», что украинские военные «не выпускают только потому, что постоянно идут обстрелы».

На блокпостах ДНР, продолжает волонтер Кривошапко, было проще в те дни, когда по всему городу шли активные боевые действия — тогда было очень опасно, но водителей чаще пропускали. Примерно с 28 марта, говорит Кривошапко, волонтеров перестали пускать внутрь города.

«Соответственно в последние выезды наши водители приезжали в села возле Мариуполя, чтобы забрать тех людей, которые смогли выбраться из города пешком или на своих автомобилях, — объясняет Кривошапко. — ДНР блокпосты нас категорически не хотят принимать в город, это конкретно несет опасность для водителей-волонтеров: на них наставляют оружие, их забирают в подвалы и увозят в неизвестном направлении».

Об опасности для водителей говорит и Альбина Шевченко из организации HelpPeople*:* «У нас пропали водители, часть из них находятся в плену, их задержали прямо в Мариуполе, не на блокпостах: автобусы уже были заполнены, их военные сами довезли до населенного пункта Никольское под Мариуполем. Они думают, что мы помогаем военным и вывозим "Азов" из Мариуполя, несмотря на то, что

в автобусе сидели дедушки-бабушки. Водителей, я знаю, двоих увезли в Донецк — одного отпустили и мы пытаемся его забрать, одного — не знаю».

Ситуация, по оценкам волонтеров, только ухудшается. Мариупольские власти еще 1 апреля сообщили, что эвакуационная колонна из Бердянска доехала до Запорожья и вывезла две тысячи мариупольцев. «Это государства между собой договорились. Редкое явление. Уникальное», — замечает Минин. Больше сообщений о таких масштабных колоннах не было.

Мариупольская рада сообщала об отправке эвакуационных колонн из Запорожья в соседний с Мариуполем Бердянск 4 апреля и 8 апреля, однако о том, чтобы из Мариуполя выезжали автобусные колонны, ничего не говорилось. Официально украинские власти сообщают, что из города можно выехать в Запорожье своим транспортом.

Сколько людей погибли в Мариуполе, в том числе во время попыток его покинуть — неизвестно. По примерной оценке местных властей в городе погибли около пяти тысяч человек. Выехавшие из осажденного города сейчас расселяются по другим областям Украины, где нет интенсивных военных действий, или переезжают в другие страны.

По словам советника президента Украины Алексея Арестовича, из Мариуполя в другие регионы страны удалось вывезти 150 тысяч человек.

Могилы жителей Мариуполя вдоль дорог, 10 апреля 2022 года. Фото: Alexander Ermochenko / Reuters

Восток. Сергей. «Опросили, обыскали, посмотрели наколки»

Живший в Левобережном районе детский тренер Сергей[6] выехал в Россию в середине марта. Он говорит, что к 18 марта в его дом по Морскому бульвару уже две с половиной недели «лупили беспрестанно» — по его словам, в здании находились украинские военные.

«Там обе стороны хороши. Они [украинские военные] снайперов ставили по домам, россияне лупили и выбивали тех, кто там находился. Мирные жители были, а выбивали военных», — сетует Сергей.

После очередного обстрела всю воду израсходовали на тушение пожаров, так что он с соседом спустился к морю, чтобы пополнить запасы — там он встретил бойцов самопровозглашенной ДНР: «Опросили, обыскали, посмотрели наколки, документы проверили, мы набрали воды и они посоветовали: ребята, говорите всем, пусть люди уходят, там сидят снайпера группы реагирования "азовцев", и пока мы их оттуда не выбьем, будет очень жарко».

Тренер признается, что решение выехать на российские территории принял неохотно: его

супруга эвакуировалась в Украину, но с 28 февраля у него такой возможности не было, тем более пешком, без своей машины — 15 км под обстрелами.

«Даже те у кого была: парень доехал до "Азовстали", начали работать грады и он дальше побоялся ехать, в машине была жена. Другой парень доехал до азовстальского КПП, где его наш доблестный "Азов" развернул и сказал, что никого не пропускают. Он пробил по дороге колесо и сказал, пошло все в жопу, я туда больше не поеду, некоторые пробирались — знакомые через знакомых — через Кальмиусский район на правый берег, но и с правого берега выехать не могли, там "Азов" всех разворачивал под предлогом того что российская сторона не дает зеленый коридор», — уверяет Сергей.

18 марта из-за непрекращающихся обстрелов он решил все-таки отправиться на пункт эвакуации в сторону России, располагавшийся у заброшенного детского лагеря «Орленок»: «Напоследок один крендель сказал, идите-идите, там те кто вчера выходили, полколонны на спуске расстрелянные лежит. В итоге никого не было: там бабушка лежала, которую еще в первую неделю убило осколком, и мужчина, чуть попозже, когда был, тоже бой, убило».

Сергея вывезли в Безыменное — село на берегу Азовского моря, 15 км от Мариуполя. Там находится ДК, который украинские военные называют «фильтрационным лагерем», там мужчину несколько раз раздевали, чтобы проверить татуировки, уточняли, куда и к кому он собирается ехать. Затем его вывезли в Докучаевск, в очередной лагерь, где Сергей провел еще два дня.

«В первый день прошли дети и пожилые люди, потом старались, чтобы семьи не разбивать. За два дня мы прошли, на третий день уже привезли на границу. Откатали пальчики, с телефонов покопировали все контакты, зачем — я до конца не понимаю, ну, у всех делалось, флаг в руки», — спокойно рассказывает он.

После перехода через границу его привезли в Таганрог, в лагерь для беженцев — поместили в школе олимпийского резерва. Он вспоминает, что там была путаница с поездами, которые вывозят беженцев в другие регионы России — например, говорили, что состав идет в Тулу, а он поехал в Пензу. Впрочем, Сергей смог раздобыть наличные деньги и просто за свой счет купил билет к теще в Воронеж.

По данным фонда[7] «Помогаем уехать», украинцев,

которые не смогли поехать к родственникам,
как правило, отправляют в Ярославль, Владимир,
Воронеж, Тверь, Пензу и Липецк.

Речь идет не только о жителях Мариуполя — часто из других охваченных вторжением мест, например, некоторых городов Харьковской области, тоже можно выехать только в Россию.

Некоторых беженцев из-под Харькова уже опрашивали сотрудники Следственного комитета — ведомство считает их потерпевшими[8] по делу о ведении войны запрещенными средствами[9] возбужденному еще в 2014 году против украинских военных и бойцов добровольческих формирований — возможно, это связано с тем, что этим беженцам в предыдущие годы пришлось покинуть и Донбасс.

Тем, кто выехал к родственникам, выдают миграционные карты сроком на полгода. Волонтеры фонда рассказывают, что, судя по поступившим заявкам, людям также предлагают оформить статус беженца или заполнить заявку на получение материальной помощи в 10 тысяч рублей.

По данным российского Минобороны на 10 апреля, на восток из города эвакуировали 135 тысяч человек.

Восток. Фильтрация. Смотрят телефоны, ищут татуировки и синяки, спрашивают о Путине

Волонтеры фонда «Помогаем уехать» рассказывают, что в последнее время людей стали увозить и в Донецк, причем это «место, где производится наибольшее давление».

Фонд раньше помогал организовать выезд из Украины в безопасные страны, однако с 18 марта начал принимать заявки и от людей, которые оказались в России, но хотели бы поскорей ее покинуть. Одна из волонтерок[10] говорит, что ей поступило около

сотни заявок на выезд из России — сначала это были единичные случаи, с 28 марта число стало расти. Каждая заявка — это обычно от двух до пяти человек, иногда до двадцати.

«Есть случаи насильственного вывоза под дулами автоматов, есть вывоз без угроз автоматами, но тоже людям не дают выбора. Часто людям не говорят изначально, куда их везут, люди не знают, что везут в сторону РФ», — рассказывает она.
В «Помогаем уехать» пока не смогли связать «Медиазону» с людьми, которых силой вывезли из Мариуполя — поскольку эти люди все еще не находятся в безопасности или не готовы говорить с журналистами.

Что касается фильтрационных лагерей, в фонде уверены, что через подробные допросы проходит подавляющее большинство мужчин призывного возраста, и некоторые женщины, чаще всего — молодые.

«Во время допросов задают такие вопросы: понимает ли человек, что ему помогают спастись от нацистов, спрашивают об отношении к политике Путина, уточняют, чем занимались последние годы», — говорит волонтерка. Помимо наколок, по ее словам, у мужчин проверяют синяки, которые могли бы образоваться из-за отдачи при стрельбе.

О том, что у выезжающих из Мариуполя проверяют татуировки, пытась по ним опоздать бойцов «Азова», сообщал и корреспондент РИА «Новости» — он тоже уточнял, что мужчин проверяют на «наличие следов от оружия и долгого ношения амуниции».

Некоторых после допросов записывают на видео. «Медиазона» рассказывала о Любови Устиновой — девушке из Мариуполя, на чьем телефоне сотрудники ФСБ нашли сообщения от бойцов «Азова». На видео, которое потом ФСБ разослала провластным российским изданиям, заплаканная девушка рассказывала о зверствах «азовцев».

Прошедший через несколько проверок во время эвакуации Сергей считает, что в лагерях на занятой российскими военными территории Донецкой области решается, можно ли пропустить человека дальше в Россию, или он останется здесь.

Что происходит с теми, кто не понравился проверяющим — не вполне ясно. Мелитополец Давид[11] смог вдоль побережья добраться до Крыма,

ему пришлось преодолеть множество российских блокпостов. Он вспоминает, что людей с допросов периодически уводили куда-то, и больше он их не видел.

18 марта российское Минобороны уверяло, что «за последние двое суток часть боевиков численностью от 150 до 200 человек» дезертировала и, переодевшись в гражданскую одежду, «разрозненными группами по 10-15 человек передвигаются в запорожском направлении по проселочным дорогам».

«За сегодняшнюю ночь 93 из них ликвидированы, места нахождения остальных установлены по пеленгу радиопереговоров. Вопрос их уничтожения — это вопрос короткого времени», — настаивало Минобороны. Подтвердить или опровергнуть это сообщение об убийстве почти сотни людей в гражданской одежде пока не удалось.

Журналист «Крым.Реалии»[12] Владислав Есипенко, который сейчас находится в СИЗО Симферополя, передал через своего адвоката Николая Полозова, что в одном из корпусов изолятора «освобождают целый этаж от заключенных, переводя их в другие камеры и уплотняя, для поступления новых заключенных с временно оккупированных территорий Украины, в частности Херсонской, Запорожской и Донецкой областей».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Мужчина попросил сохранить его анонимность.

2. Имя героини изменено.

3. Имя героини изменено.

4. Ночной клуб, находившийся по адресу проспект Металлургов, 95.

5. При этом по курсу ЦБ РФ на середину марта одна гривна стоила примерно 3,5 рубля.

6. Имя героя изменено.

7. С начала военных действий фонд организовывал выезд жителей Украины в мирные регионы, однако с середины марта организация стала получать заявки от украинцев, которые так или иначе из-за боевых действий оказались в России, волонтеры помогают и им.

8. Такое постановление о признании потерпевшими есть в распоряжении «Медиазоны».

9. Статья 356 УК РФ.

10. Попросила не указывать ее имени.

11. Просил не указывать его фамилию.

12. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что проект «Крым.Реалии» внесен Минюстом в реестр СМИ, выполняющих функции «иностранного агента».